Не из абстрактных соображений

Почему Москва не станет участвовать в кампании давления на Иран

Читайте эту статью на немецком языке

На прошлой неделе Иран объявил, что его запасы низкообогащенного урана превысили 300 кг – ограничение, установленное Совместным всеобъемлющим планом действия (СВПД) по иранской ядерной программе 2015 года. Это не должно было стать неожиданностью, ведь Тегеран объявил о том, что не будет придерживаться ограничений на запасы урана еще в мае в ответ на введение нового раунда американских санкций. Иран также дал оставшимся участникам сделки два месяца на то, чтобы продемонстрировать экономические выгоды от участия в сделке.

В противном случае Тегеран пообещал приостановить и другие обязательства в рамках СВПД – повысить уровень обогащения урана до 20% (сейчас 3,67%) и прекратить модернизацию реактора в Араке (оригинальный дизайн позволял нарабатывать на нем значительное количество плутония, который также может использоваться для производства ядерного оружия).

Учитывая, что максимум того, на что Европа была готова пойти в экономическом плане, уже было сделано – прошли первые сделки специального финансового механизма для торговли с Ираном INSTEX – и руководство Исламской республики сочло это недостаточным, дальнейшая приостановка Тегераном своих обязательств в рамках СВПД выглядит неизбежной. Это ставит под вопрос дальнейшую судьбу соглашения и ядерной программы Ирана.

Тегеран не планирует полностью выходить из СВПД и не собирается разрабатывать ядерное

После выхода из соглашения США в мае 2018 года участниками СВПД остались Иран, Россия, Китай, Великобритания, Германия и Франция. Европейский союз также участвует в соглашении через Верховного представителя по иностранным

оружие, речь идет о дипломатических жестах в ожидании благоприятных условий для новых переговоров

делам и политике безопасности, который является председателем Совместной комиссии в рамках выполнения СВПД. В целом все участники сделки заинтересованы в ее сохранении и подчеркивают свою готовность к совместным усилиям для этого, все участники также не признают законными односторонние санкции США и считают, что Вашингтон должен вернуться к взятым на себя обязательствам. Но на этом совпадения позиций заканчиваются.

Иран, скрупулезно выполнявший свои обязательства в течение года после выхода США из соглашения и введения против страны все более жестких американских санкций, апеллирует к статье 26 СВПД, согласно которой «повторное введение санкций» является основанием для «прекращения выполнения своих обязательств полностью или частично». Не получающий экономической выгоды, обещанной ему в обмен на ограничение ядерной программы, Тегеран готов к формату «меньшее в обмен на меньшее». Он вновь наращивает свою ядерную программу для того, чтобы показать США, что их давление приводит к обратному результату, а также вернуть себе потенциал, который можно будет использовать для последующего торга. Тегеран не планирует полностью выходить из СВПД и тем более не собирается разрабатывать ядерное оружие, речь идет о дипломатических жестах в ожидании благоприятных условий для новых переговоров, скажем, в результате смены администрации в США.

Из Европы ситуация видится по-другому. В совместном заявлении Евротройка (Франция, Германия и Великобритания) выразила обеспокоенность иранскими действиями, напомнила, что приверженность европейцев соглашению зависит от выполнения Ираном своих обязательств, и призвала Тегеран пересмотреть уже предпринятые шаги и воздержаться от дальнейших дестабилизирующих действий. В противном случае представители европейских столиц намекнули на возможность возвращения отмененных санкций против Ирана.

Проблема с таким подходом заключается в том, что Тегеран и так считает, что Европа не выполняет взятых на себя обязательств. Несмотря на громкие заявления, Берлин, Лондон и Париж оказались не готовы физически противостоять политике Вашингтона, блокирующее законодательство ЕС, призванное нивелировать эффект американских санкций, так и не было ни разу

применено, все крупные европейские компании покинули Иран, опасаясь санкций США, а заработавший спустя девять месяцев INSTEX предназначен для торговли продовольствием и медикаментами, так не попадающей под санкции. Отсутствие заметного экономического сотрудничества снижает важность отношений с ЕС в глазах иранского руководства. Европа также не смогла конвертировать свое участие в СВПД в доверительные отношения с Тегераном. Базирование в Европе группировок, признанных в Иране террористическими (таких как «Арабское движение борьбы за освобождение Ахваза»), и обвинения иранских спецслужб в организации политических убийств в ЕС препятствовало укреплению доверия с обеих сторон. Близость европейских столиц к Израилю и странам залива означала восприятие Ирана как преимущественно дестабилизирующей силы в регионе. А попытки Евротройки и особенно Франции настаивать на выработке дальнейших соглашений по региональным вопросам и ракетной программе Ирана вызывали в Тегеране раздражение на фоне невыполнения сторонами уже достигнутых договоренностей.

Москва заинтересована в сохранении СВПД из-за понимания, что исчезновение соглашения заметно повысит вероятность военного конфликта в непосредственной близости от российских границ

Российская позиция традиционно оказалась чем-то средним между европейской и иранской. Москва заинтересована в сохранении СВПД не из абстрактных соображений, а из-за понимания, что исчезновение соглашения заметно повысит вероятность военного конфликта в непосредственной близости от российских границ. При этом Россия с пониманием относится к позиции Ирана, не получающего обещанных экономических выгод. Москва считает ключевым сохранение транспарентности иранской ядерной программы и опасается, что добавление европейского давления к американскому приведет не к возвращению Ирана к полному выполнению СВПД, а, скорее, к окончательному распаду соглашения. Россия также не видит угрозы от ракетной программы Тегерана, пока страна остается неядерной, и воспринимает ситуацию на Ближнем Востоке как сложный региональный конфликт с противостоянием большого количества игроков, который невозможно разрешить односторонними уступками.

ЕС найдет в России важного партнера для сохранения СВПД, но в текущей ситуации Москва не станет участвовать в кампании давления на Иран с целью заставить его выполнять соглашение до последней запятой. Россия считает неправильным и неконструктивным требовать от одной из сторон полного выполнения обязательств при невыполнении их другой стороной. И если Европа хочет неукоснительного соблюдения Тегераном СВПД, ей предстоит сделать больше самой.

Поскольку Иран согласился на сделку, в первую очередь рассчитывая на экономическое сотрудничество с Европой (сотрудничество с Китаем, пусть и ограниченное, не прекращалось, Россия никогда не была приоритетным экономическим партнером для Тегерана, а США не соглашались на заметное экономическое сотрудничество даже в рамках СВПД), то Европа и должна налаживать эти отношения. Здесь Россия не готова делить ответственность за то, что не может обеспечить Европа. Кроме того, Москва уже пошла на смелый шаг, заявив, что Росатом продолжит работать в Иране, несмотря на американские санкции (параллельно появилась информация, что китайские компании продолжают покупать иранскую нефть) – ничего подобного с европейской стороны отметить нельзя.

При этом нельзя отрицать, что взаимодействие России с Евротройкой в рамках СВПД занимает особое место в отношениях между сторонами. Конструктивный диалог по иранской ядерной программе не прекращался даже на пике противостояния вокруг Украины в 2014 году. Вопросы, связанные с СВПД, по-прежнему составляют заметную часть портфолио двухстороннего сотрудничества Москвы с Парижем, Берлином и Лондоном.

Несмотря на то что сотрудничество по урегулированию ситуации вокруг иранской ядерной программы вызвано в первую очередь совпадающими интересами и не отменяет всех других противоречий в двухсторонних и многосторонних отношениях России и Европы, оно демонстрирует, что великие державы могут и должны взаимодействовать для решения международных кризисов.

Андрей Баклицкий

Москва

Андрей Баклицкий (Andrey Baklitskiy) – консультант ПИР-Центра, научный сотрудник Дипломатической академии МИД России, со-ведущий подкаста «Принуждение к миру». Сфера научных интересов: контроль над вооружениями, ядерное нераспространение и российско-американские отношения.